

DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-2-85-99

УДК 297, 340.14

Содержание статьи

Информация о статье

*Д.Р. Зайнутдинов*¹ Введение
Разум и право на Востоке и Западе
На пути возрождения разума как
источника исламского права
Заключение

Поступила в редакцию: 15.05.2024
Передана на рецензию: 20.05.2024
Получена рецензия: 08.06.2024
Принята в номер: 30.06.2024

Муса Бигиев о разуме в исламском праве

Частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)»; knight_1988@mail.ru

Аннотация. В статье дана оценка взглядам Мусы Бигиева в отношении роли разума в исламском праве. Разум (*акл*) – это особый источник права в ряде правовых систем. Таковым он является в английском и исламском праве. В эпоху «золотого века ислама» отношение к *акл* было несравненно выше, чем в последующий период. Во многом благодаря свободе человеческого разума исламское право развивалось весьма активно и плодотворно, создавая прочный механизм правового регулирования общественных отношений. Такое отношение обеспечило в мусульманском мире расцвет науки, поэтому обращение к теме разума, как источника исламского права имеет особую актуальность.

В основе изучения роли *акл* в исламском праве прежде всего лежат сравнительно-правовой и историко-правовой методы исследования.

Эпоху «золотого века» Муса Бигиев воспринимал как идеальное время в развитии исламской юридической науки. *Акл*, охвативший в то время своим влиянием всю систему источников исламского права, начал продуцировать новые концепции государственно-правового развития мусульманского мира. Эти концепции должны были обеспечить соблюдение права личности и защитить ее законные интересы, а также оградить жизнь человека от неправомерного вмешательства в нее государства. Но этого не произошло. Во второй половине XIII века эпоха «золотого века» завершилась. Разум в мусульманском мире погрузился в глубокий сон. Динамику прогрессивного развития Востока перенял Запад.

Анализ взглядов Мусы Бигиева показал, что он отдавал должное эпохе европейского Ренессанса и Реформации, которые смогли восстановить величие западной цивилизации после пребывания ее мысли в «темных веках». Однако он критически высказывался касательно предложений провести подобные мероприятия в мусульманском мире. М. Бигиев считал, что ислам не нуждается в реформах, но при этом был убежден в необходимости усиления роли разума для возрождения исламского права.

Ключевые слова: разум, источник права, исламское право, мазхабы, Муса Бигиев.

¹ *Диняр Рафаилович Зайнутдинов* – доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП)», доктор юридических наук; orcid.org/0000-0003-0836-8769.

DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-2-85-99

UDC 297, 340.14

	Content of the article	Information about the article
<i>D.R. Zaynutdinov</i> ²	Introduction. Reason and law in the East and West. Towards the revival of reason as a source of Islamic law. Conclusion.	Received: 15.05.2024 Submitted for review: 20.05.2024 Review received: 08.06.2024 Accepted for publication: 30.06.2024

Musa Bigiev on Reason in Islamic Law

V.G. Timiryasov Kazan Innovative University; knight_1988@mail.ru

Abstract. The article evaluates the views of Musa Bigiev regarding the role of reason in Islamic law. Reason ('Aql) is a special source of law in a number of legal systems. This is what it is in English and Islamic law. During the era of the "Golden Age of Islam", the attitude towards 'Aql was incomparably more serious than in the subsequent period. Largely thanks to the freedom of the human mind, Islamic law developed very actively and fruitfully, creating a strong mechanism for the legal regulation of social relations. This attitude ensured the prosperity of science in the Muslim world. Therefore, the author turns to the subject of reason as a source of Islamic law, which is of particular relevance. The study of the role of 'Aql in Islamic law is, primarily, based on comparative legal and historical legal research methods. Musa Bigiev perceived the era of the "Golden Age" as an ideal time in the development of Islamic legal science. 'Aql, that encompassed with its influence the entire system of sources of Islamic law at that time, began to produce new concepts of state and legal development of the Muslim world. Those concepts were supposed to ensure respect for individual's rights and protect their legitimate interests, as well as protect human life from unlawful interference by the state. But that did not happen. In the second half of the 13th Zcentury, that era ended. In the Muslim world, reason fell into the dead sleep of the past. The dynamics of the progressive development of the East was adopted by the West. An analysis of Musa Bigiev's views shows that he paid tribute to the eras of the European Renaissance and Reformation that were able to restore the greatness of Western civilization after its thought had been in the "dark ages". However, he was critical of proposals to hold such events in the Muslim world. M. Bigiev believed that Islam did not need reforms, but, at the same time, he was convinced there was a need to increase the role of reason for the revival of Islamic law.

Keywords: reason, source of law, Islamic law, madhhabs, Musa Bigiev.

Введение

Синоним «разума» в исламском праве – это *акл, акль, акыл*. Этот термин также переводится как «интеллект» и «ум». Понятию *акл* посвящено большое число хадисов. Категория разума упоминается в изречениях (*кауль*), одобрениях (*такрир*), образе (*васф*) или действиях (*фи'ль*) пророка Мухаммада. «Знание означает разумное совершение действия, а разум – способность осмысления всего осязаемого. Коран призывает во всех делах использовать разум и резко критикует тех, кто этого не делает. В Коране слова, связанные с разумом, встречаются 50 раз, а словосочетание «обладатели разума» – более 10 раз, что свидетельствует о том, что в Коране разуму уделено большое внимание» [17, с. 104].

² *Dinar Rafailovich Zaynutdinov* – Doctor of Sc. (Law), assistant professor, professor at the Department of Theory of State and Law and Public-Law Disciplines of V.G. Timiryasov Kazan Innovative University; orcid.org/0000-0003-0836-8769.

Ислам и разум связаны между собой намного сильнее, чем может представить себе юрист-немусульманин. Говоря об исламском праве, следует подчеркнуть, что значение разума в нем еще более значимо, чем в английском праве. Но в целом обе эти системы возводят разум в качество фундаментальной основы всего правотворчества. В англо-американской юридической литературе данный источник часто относят к второстепенному, что вполне объяснимо его слабообязательностью и абстрактным характером. Поэтому он получил меньшее признание и распространение, чем судебный прецедент или закон (статут). «Казуистический аспект права предполагает много пробелов, и разум признается вспомогательным источником права, призванным восполнить эти пробелы» [7, с. 294–295]. Разумные начала в праве обеспечивают его постоянной «живой» энергией.

Н.С. Кирабаев и М.М. Аль-Джанаби указывают, что «первоначальным практическим выражением и политическим оформлением проблемы соотношения разума и установления стало движение хариджитов, которое поставило ее в плоскость политической “геологии и нравственного размежевания”. Для хариджитов слово обладало огромным значением, не обладая само по себе какой-либо ценностью» [11, с. 39]. Хариджиты являются самой ранней в исламе религиозно-политической группой, образовавшейся в ходе борьбы за власть между халифом Али ибн Абу Талиб (600–661) и Муавией ибн Абу Суфьян (593–680) [9].

Минуя критику хариджитов, как одних из раскольников мусульманской уммы, следует отметить, что они первые предприняли попытку интеграции разума в систему источников исламского права [11, с. 39]. Следует признать, что попытка хариджитов определить место разума в шариате была в целом успешной. Усилиями хариджитских факихов исламская юриспруденция получила определенный толчок в развитии.

Несмотря на то, что политико-правовые воззрения хариджитов во многом совпадают с взглядами суннитов, именно хариджиты являлись более последовательными сторонниками реализации принципа разделения властей в исламском государстве. Они провели глубокий анализ, прежде чем дать этому принципу исламскую интерпретацию. С другой стороны, хариджиты имеют схожесть и с шиизмом, которая заключается в их отношении к человеческому разуму. «Хариджиты “оформили” в виде понятий проблему соотношения разума и веры и выявили ее практическую значимость, не возводя, однако, эту проблему в ранг “теоретической абстракции”» [11, с. 40]. Углубленное изучение хариджитами такой категории, как разум, оградило их от принятия концепции «закрытия врат иджтихада».

Серьезное внимание на значение разума в эволюции общества обратил легендарный исламский богослов, правовед и философ Абу Мухаммад ал-Газали (1058–1111). В своих трудах ученый соотнес веру и разум, тем самым показав регулятивную роль разума в философии и науке и возможность подчинения теоретического разума практическому. По этому поводу французский исламовед Анри Корбен писал: «Частично проявляется парадоксальность [мысли] Газали, убежденного в неспособности разума достичь уверенности, но при этом уверенного в возможности разрушить рационально-диалектическим путем то, в чем уверены философы» [13, с. 180–186]. Согласно ал-Газали, с миром человек знакомится путем его постижения, и каждая из постигающих способностей создана для того, чтобы человек с ее помощью постигал мир реальностей. Так, с момента своего рождения человек проходит несколько ступеней развития, предпоследней из которых является «разум». «И тогда он постигает то, что должно, то, что можно, то, что невозможно, и вещи, которые не встречались ему на предыдущих ступенях», – писал ал-Газали [1, с. 128]. Используя разум, человек должен стремиться к нравственному совершенствованию. В рамках этого процесса он обретает более высокоуровневое правосознание.

Казалось бы, как и в английском праве, разум в исламском праве не занял конкретную нишу в иерархии его источников, но это не совсем верно. Отношение к разуму, как официальному источнику исламского права, отличается в зависимости от той или иной правовой школы (мазхаба). Если для четырех суннитских мазхабов (ханафитский, шафиитский, ханбалитский, маликитский) разум не значится в иерархии источников права, то для двух шиитских мазхабов (зейдитский и джафаритский) разум имеет свое определенное место.

Затрагивая систему источников исламского права В. К. Самигуллин отмечает следующее: «Вопрос об источниках мусульманского права едва ли можно считать исчерпанным. ...Отстаивалась идея об *акль* – человеческом разуме (*уме*), как источнике мусульманского права: все, что человеческий разум считает хорошим – хорошо, а все, что он считает плохим, – плохо. Интересна мысль об *истисхаб* (*букв.* – поиск связи, увязки), согласно которому положения фикха, применимые к определенным условиям, остаются в силе до тех пор, пока не становится очевидным, что эти условия изменились» [18, с. 73]. Видно, что *акл* – это неперемный спутник фикха вне зависимости от его мазхабов. Он зримо или незримо присутствует в каждой форме исламского права. Отличие состоит лишь в более или менее выраженной опоре его использования при выведении правовых норм.

Разум и право на Востоке и Западе

Осмыслению разума в качестве всепронизывающего источника права Муса Бигиев посвятил одну из своих важнейших работ, написанную в 1912 году, – «Почему цивилизованный мир прогрессировал, а мир ислама пришел в упадок?» [5]. В этой работе даны ответы на вопросы о должном месте разума в мусульманском мире, а также о его значении в развитии исламской правовой системы стран Востока.

Если сказать, что Муса Бигиев придавал разуму значимую роль в развитии исламского права, то значит – ничего не сказать. В его воззрениях человеческий разум выступал фундаментом всего правотворчества в мусульманском мире. М. Бигиев считал необходимым, чтобы факихи в своих трудах больше внимания уделяли разуму. В этом контексте может показаться, что татарский ученый выступал за интеграцию *акл* в иерархическую систему исламского права. Возможно, это и так. Но тогда его правовые воззрения сближаются с взглядами шиитских юристов. Однако сам ученый открыто об этом не говорил. Можно сказать лишь то, что М. Бигиев был принципиальным сторонником усиления роли разума в системе источников исламского права. Он вполне обоснованно полагал, что *акл* способен укрепить всю систему источников.

Несмотря на критику шиитского политико-правового учения, Муса Бигиев относился к шиитским юристам с большим уважением. Как видно из трудов правоведа, он признавал немалые заслуги шиитских теоретиков в разработке исламского права. О симпатиях мыслителя говорит и Шагавиев Д.А. [24, с. 104].

Вплоть до середины XIII века разум динамично проникал в каждую категорию, каждый элемент, каждый институт исламского права. Правовые принципы, заложенные в Священном Коране, осмысливались с помощью разума. Плодотворное сотрудничество религии и человеческого разума дало начало «золотому веку ислама».

«Золотой век ислама» – это прежде всего эпоха торжества человеческого разума. Благодаря свободному разуму, тогда еще не ограниченному *таклидом*, *фикх* смог дать ответ на многие вопросы государственного строительства и правового развития. В частности, поставленные мусульманской уммой проблемы устройства исламского государства решались юридической наукой с потрясающей быстротой, хотя в процессе их решения и допускались ошибки. Так, в период Праведного халифата (632–661) так и не была окончательно выработана теория формирования институтов публичной

власти. В этом отношении немецкий востоковед Ю. Велльхаузен (1844–1918) писал: «Развитие политического законодательства шло не в ногу с развитием политической власти. В старой арабской традиции отсутствовала какая-либо практическая наука об управлении государством, как и в идее теократии. Этот недостаток становился ощутимым сразу же, как только вставал вопрос о том, кому принадлежит главенство в теократическом правительстве» [6]. Но позже успешно была решена и эта проблема. В результате активных научных изысканий факихи выработали концепцию халифата как высшей формы исламского государства. На этом мусульманский разум не остановился и продолжил дальнейшие поиски лучших моделей власти и их правового обоснования. Серьезный импульс получила теория выборности власти и представительства. Так было до «закрытия врат иджтихада».

Со второй половины XIII века исламская правовая мысль стала угасать. «Мир ислама покотился назад по той причине, что человеческий разум был превращен в скованного и обездвиженного пленника», – писал Муса Бигиев [5, с. 65]. Ослабление роли человеческого разума в исламском праве привело к завершению эпохи прогресса в мусульманском мире.

Нивелирование свободы мышления стало причиной увядания *фикха*. *Акл* был заклеямен инструментом вольнодумцев, так как мешал правителям обогащаться и властвовать. Сосредоточение власти среди узкого круга лиц и отказ от принципа шуры в пользу единоличного правления стало следствием роста авторитаризма, а позже и деспотии в мусульманском мире. Авторитаризм не мог терпеть критики в свой адрес, подпитываемой вольным развитием мысли, и потому приступил к вытеснению *акл* из сферы правотворчества. Лояльные халифу факихи становились более желанными в государственно-правовом строительстве, чем приверженцы строгого соблюдения установлений Великого Законодателя. А потому свободный разум был заменен на догмат авторитета, а иджтихад на таклид. «Книги по каламу, которые разглагольствовали о бессмысленных, пустых выдумках и, в добавление к этому, отвергали все науки, появились во всех уголках исламского мира и распространялись при непосредственном участии правительств», – подчеркивал М. Бигиев [2, с. 41].

После XIII века в мусульманском мире началась борьба со свободомыслием. В этом контексте Муса Бигиев писал: «Если плененный разум лишается права свободно мыслить и выносить решения, то сковывается и практическая активность, деловитость» [5, с. 66]. Прогрессивный разум изгонялся из умов широкого сообщества факихов, становясь доступным лишь для ограниченного круга лиц, позже узурпировавшим право вынесения правовых норм и в итоге превратившим результаты своих мыслительных действий в непререкаемые авторитеты.

Акл превратился в нежелательный инструмент при формулировании прогрессивных правовых норм, направленных на приспособление всех благ мировой цивилизации для пользы мусульманской уммы. Этому моменту весьма интересное пояснение дает М. Бигиев: «Возможно, именно поэтому идеи, рожденные в закрытых кельях дервишей и ими же распространенные, проповеди, звучавшие с минбаров мечетей и всегда проклинавшие мирскую жизнь, взгляды аскетов и отшельников, всегда искавших счастье в нищете и лишениях, суфийская философия, везде ощущая следы сатаны, смогли оказать влияние на страдавший в неволе разум мусульман» [5, с. 66]. В этом емком по содержанию предложении Муса Бигиев отразил те негативные тенденции, которые погрузили разум мусульманского мира в глубокий сон.

Значение «золотого века ислама» в мировой цивилизации весьма велико. Он подготовил почву для эпохи Ренессанса в Европе (начало XIV – конец XVI в.), составной частью которого стала и Реформация 1517–1648 годов, как мощного

религиозного и общественно-политического движения, направленного на преобразование католической церкви. Начало рассвета Европы обусловило закат Востока. Об этом феномене М. Бигиев высказал следующую мысль: «В результате интеллект и тело исламского мира оказались не у дел. Поэтому, когда цивилизованный мир развивался, мир ислама катился вниз. Поэтому между цивилизованным и исламским миром возникла большая разница» [5, с. 66–67]. Отталкиваясь от этого тезиса, М. Бигиев приступил к формированию идеи об усилении роли разума при использовании источников исламского права.

Ренессанс и Реформация дали западному миру важные блага, которые Муса Бигиев свел в два основных блока. К первому он отнес скачок к естественно-правовой теории, в которой человек наделяется рядом неотъемлемых прав, принадлежащих ему в силу его человеческой природы. Ко второму блоку ученый причислил признание за разумом первенства и приоритета, самостоятельности, свободы в принятии его как практически значимой силы [5, с. 64]. Он прекрасно уловил тот момент, что именно благодаря разуму концепция естественного права стала интегрироваться в базис правовых систем западных стран.

Конечно же, Муса Бигиев не оперировал современным понятием естественного права, но он в полной мере понимал его природу. В частности, Л.И. Тухватулина указывает, что «теория “абсолютности Божьей милости” М. Бигиева подразумевала построение взаимоотношений между Аллахом и человеком на основе доверия, разума и милости Всевышнего, способствовала освобождению духовных сил индивидуума» [21, с. 187]. Получив немалую долю свободы, разум смог показать свой необъятный творческий потенциал. Одним из результатов этой творческой свободы стал расцвет правовой мысли. В учениях юристов западной Европы разум раскрыл всю суть естественно-правовой теории. «Человеческий разум стал быстро осваивать бескрайние просторы материального мира и открывать все новые кладовые и тайны природы», – писал М. Бигиев [5, с. 64]. В системе источников права разум превращался во всепронизывающий элемент.

Муса Бигиев однозначно указывал на то, что реформаторские усилия в политической и экономической жизни были осуществлены с помощью переосмысления роли религии в обществе: «В последующие века после Реформации так легко проявились прогрессивные явления, которые были невозможны в эпоху, когда разум был заточен в стенах церкви, был пленником в руках духовенства» [5, с. 64]. Постепенное переосмысление религии в жизни общества и соотношение духовных ценностей с мирскими произошло в силу наращивания темпов раскрытия творческого потенциала человеческого разума. Окрепнув в период Ренессанса, разум ускорил отделение религии от государства путем снижения влияния духовенства в светской жизни и его вытеснения из властных структур.

После реформации Европа в политико-правовом отношении перестала быть «христианским континентом», но не утратила базис духовно-религиозных ценностей. Европа превратилась в «светский континент». После Ренессанса наступил период европейского абсолютизма, пришедшего на смену сословно-представительной монархии и протекавшего на протяжении XVI–XVII веков. «Юриспруденция Нового времени начала формироваться в эпоху европейского Возрождения и Реформации. Она была ориентирована на принципы и ценности нового, антиатеологического и антифеодального юридического мировоззрения, в основе которого лежали рационалистические концепции естественного права и общественного договора (договорного происхождения и сущности государства), идеи неотчуждаемых прав человека, формального равенства и свободы всех людей» [14, с. 112].

Ренессанс и Реформация показали европейским мыслителям огромную мощь человеческого разума. Концепции государственного строительства наполнялись идеями об ограничении абсолютной власти, усилении представительных начал, независимости суда. Происходило всецелое переосмысление права, как явления, доступного для всех, а не только для привилегированной группы лиц. Это переосмысление как раз и привело к популяризации естественно-правовой теории, в которой человек занимает первостепенное значение, а в развитии личности видится залог прогресса всего общества. Поэтому, сравнивая эпоху европейского Ренессанса с периодом увядания мусульманского Востока, Муса Бигиев подчеркивал: «Благодаря освобождению разума из угнетающих пут церкви цивилизованный мир ступил на путь прогресса. В то время мусульманские медресе были заняты чтением толкований и комментариев к каламическим книгам. Мусульманские богословы были увлечены написанием толкований и гордились этим. В то время разум и мысль мусульман были пленниками в руках факихов, слепо подражавших установлениям древних авторитетных богословов и возгордившихся мутакаллимов» [5, с. 64–65]. Таким образом, если для Европы период XIV–XVI вв. стал началом будущего прогресса, то для Востока это время предстало рубежной чертой для отката в прошлое, фактически доисламское Средневековье.

Муса Бигиев признавал, что существенное значение в европейской истории имела Реформация. Она как духовное и политическое движение XVI–XVII веков обозначила радикальные изменения в религиозном векторе, которые, в свою очередь, дали импульс развитию разума, способствовали последующим научным открытиям. В области юриспруденции это привело к развитию республиканской формы правления, парламентаризма, уничтожению сословного деления и так далее. Об этом Бигиев писал так: «В начале XVI в. благодаря благотворному влиянию начавшейся в Германии Реформации мысль и разум цивилизованного мира были освобождены из-под гнета духовенства» [5, с. 64]. Но на Востоке в это же время, наоборот, влияние консервативной части духовенства, которая стремилась контролировать все большие сферы мыслительной деятельности, стало нарастать. И разум, как фундамент правотворческого процесса, первым попал под их влияние. После нескольких веков «взлета философствования и процветания естественных наук произошло “угасание” рационалистических тенденций на мусульманском Востоке. Теология здесь одержала над философией фактическую победу» [25, с. 110]. Ограничение свободы разума привело к усилению авторитаризма в мусульманском мире и отходу на второй план прав и свобод личности.

На протяжении первой половины Средневековья разум, как способ постижения бытия, стремительно охватывал своим влиянием всю систему источников исламского права. Как и в системе английского права, разум не стал самостоятельным источником, но он смог укорениться на каждой из его ступеней. Однако с окончанием «золотого века ислама» в правовой мысли начался регресс. *Иджтихад* был заменен на *таклид*, а *акл* был вытеснен из сферы правотворчества. Делая на этих моментах особый акцент, Муса Бигиев тем самым призывал мусульманских юристов к усилению роли разума в реформировании системы исламского права.

На пути возрождения разума как источника исламского права

Когда исследователи говорят о том, что Муса Бигиев ратовал за возрождение ислама, то они, конечно же, подразумевают то, что ученый выступал за возврат к тем основам, которые обеспечили бы прогрессивное развитие мусульманского мира в VIII–XIII веках. В это время разум играл первостепенную роль в сфере правотворчества.

Благодаря всепронизывающему влиянию разума в системе источников исламского права юридическая наука на Востоке имела мощную динамику. Несмотря на то что *акл* так и не занял свою ступень в иерархической источниковой лестнице, однако, будучи неосязаемым, он смог проникнуть на каждый ее уровень. В *иджме, киясе, фетвах и ферманах* присутствовали начала свободного разума, отвечающего на запросы мусульманской уммы, удовлетворяющие ее нужды, обеспечивающие справедливость и праведность.

Муса Бигиев предельно четко высказывал свою позицию в вопросе восстановления былой динамики развития исламского права: «Я преследовал только одну цель: освободить разум и мысль, разрушить преграды, воздвигнутые мазхабами, преодолеть слабость нашей воли и устремлений» [5, с. 67]. Освободить разум от узких рамок, установленных концепцией таклида, укрепить волю в мусульманах к прогрессу – эти задачи в общем контексте реформы исламского права выдвигая Муса Бигиев. Конкретным действием в спектре этой реформы являлось разрушение границ, созданных в мазхабах для правотворчества. По мнению М. Бигиева, «учение такой священной религии, как ислам, никаким образом не может быть ограничено узкими рамками мелких мазхабов» [5, с. 67].

Кроме того, каждая из правовых школ ислама пыталась выделиться среди прочих. Но доказывание своей «особости» происходило не путем стремления решить ту или иную правовую проблему или ликвидировать пробел в праве, а посредством псевдофилософских диспутов, абсолютно бесполезных для общества. Это привело к рождению калама. Бесконечные пустые рассуждения на квазирелигиозные и псевдофилософские темы с целью доказывания «уникальности» собственного мазхаба погрузили потенциал человеческого разума в пучину бессмысленности. Время поглощало мыслительную деятельность факиха, не принося существенных результатов. Неконструктивная теория, оторванная от жизненных реалий, безгранично превалировала над практикой.

Муса Бигиев был одним из первых ученых среди всего массива исламских факихов, который обратил внимание на ростки естественно-правовой теории в самом начале развития мусульманской цивилизации. К ее возникновению в мусульманском мире привел свободный разум: «В исламе разум не был ограничен, он был свободен и почитаем, как величайший Божий дар. В мусульманских государствах свобода разума и мысли были первичными, это было естественным правом. В эпоху праведных предшественников (*салаф*) не было традиции насильного навязывания одного из мазхабов. Такое бедствие, как безумие и дикость, выразившееся в ограничении разума, сужении его возможностей, враждебном отношении к науке и просвещению, в проклинании мыслителей, приравнивании свободы к безбожию, судя по всему, проникло в учения мутакаллимов как наследие ужасных религиозных судилищ инквизиции, в течение семи веков царствовавшей в католическом мире» [5, с. 67–68].

Пока Европа пребывала в «темных веках», мусульманский мир процветал, а вместе с ним развивалось и исламское право. В скорости формирования правовых институтов фикх фактически сравнился с римской юриспруденцией. «...В первые века ислама, когда на земле арабов не было и следа римского права. Основы мусульманских правовых школ были заложены в лучшем виде» [4, с. 333], – справедливо писал М. Бигиев. С мнением татарского ученого отчасти соглашаются и современные юристы. Например, Л.Р. Сюкияйнен отмечает: «Мусульманское право является важным элементом мировой правовой культуры. В течение довольно долгого периода времени если оно и уступало, то, может быть, только римскому праву в области частного права, которое, как все юристы знают, является идеальным регулятором отношений частной собственности, обязательств и т. д.» [19].

Остановка развития мусульманского мира вскоре сменилась началом «исламских темных веков». И этот процесс шел по наклонной. Восток стал соревноваться с Западом не в науке, а в более негативном воплощении репрессивных институтов. Об интеграции института инквизиции в систему управления исламских государств Муса Бигиев писал следующее: «Варварство судов инквизиции легко проникло в отравленную [греческой] диалектикой кровь мутакаллимов и их сердца, горевшие желанием принуждать, запугивать и преследовать. Мутакаллимы именем религии, заставили принять эти дикости в мире ислама. Эти бедствия, претворенные в жизнь и внедренные в практику именем религии укоренились в головах и сердцах [последователей ислама]. По моему мнению, именно так оказались в плену разума воля и, возможно, все силы мусульман. Эта несвобода основной стала причиной всех последующих смут и бедствий» [5, с. 68].

Немыслимо быстрыми темпами фикх откатывался в прошлое. Он отбросил концепцию следования приоритету прав личности, практику восхваления Аллаха посредством свершения благих деяний, принял абсолютную монархию как «лучшую» форму правления, взял за основу государственного администрирования авторитаризм, многократно усилил карательную функцию наказания. Сохранение такого положения вещей продолжалось и в последующие века.

В начале XVIII века некоторые факихи начали делать робкие шаги по «вызволению» разума из сложившегося застоя. В то время когда Запад интенсивно развивал науку, трансформировал экономику, строил города, улучшал коммуникации, Восток, если так можно сказать, только еще обдумывал целесообразность пробуждения. Этот процесс следовало ускорить в разы. Только возрождение свободного разума могло бы способствовать нарастанию темпов пробуждения.

Весь период Нового времени формировал облик Европы как передовой части света. Свой вклад в этот облик внесла и исламская наука. «Сохранившиеся источники указывают, что первые попытки переводов с арабского относятся к XI в. Их количество непрестанно увеличивалось и к XII веку достигло самого большого числа. Европейские ученые знакомились с достижениями арабо-мусульманской науки, осваивая, развивая и продвигая ее дальше» [12, с. 11]. Это отразилось на всех известных в то время научных сферах, в том числе и на европейской юриспруденции. Здесь весьма интересны выводы Л.Р. Сюкияйнена, который пишет: «Европейское право на протяжении столетий обогащалось достижениями шариата. Достаточно назвать такие правовые институты, как вексель, перевод долга, морская авария или правовое положение военнопленных» [20].

Полный перечень правовых ценностей, идей и концепций, которые были интегрированы европейскими юристами в основу западной юридической науки весьма велик. Фикх создал эффективные правовые механизмы для регулирования общественных отношений, которыми и ныне пользуется мир. Их появление произошло в период всеохватывающего влияния *акл* в сфере исламского права. По этой причине Муса Бигиев особо выделял уникальный характер исламского права, подчеркивая: «Я в высшей мере уважаю исламские правовые школы. Мазхабы, созданные без какого-либо подражания древним законам и ничего не заимствовавшие из древних книг, являются, по-моему, одним из чудес ислама» [4, с. 333].

«Золотой век ислама» возник не только благодаря усилиям мусульман, свою роль сыграли и достижения античной, персидской и индийской цивилизаций, но, подчеркнем, что юридическая наука оказалась практически нетронутой европейской мыслью. Исламское право во многом формировалось независимо, не принимая абсолютно подавляющую часть древнегреческих и римских правовых институтов: «Наши правовые мазхабы возникли, как мне кажется, не путем заимствования

применявшихся ранее законов, а только благодаря самостоятельному творчеству наших великих имамов» [4, с. 333]. В связи с этим он отмечал, что мазхабы исламского права являются драгоценным наследием, которым безусловно должны пользоваться мусульмане [4, с. 334].

Будучи квалифицированным правоведом, разбирающимся не только в вопросах исламского права, но и понимании принципов функционирования других правовых семей, Муса Бигиев объективно говорил о положительных и отрицательных аспектах действующих в его время в мусульманских странах правовых моделей. Он критиковал факихов этих стран в бездумной приверженности какому-то конкретному мазхабу, упрямом отстаивании непогрешимости своей правовой школы, невзирая на наличествующие в ней недостатки. Правовые школы «ни в коей мере не являются грузом, который должен наносить нам вред и ввергать нас в бедствия. Если решение одного из мазхабов по какому-либо вопросу ставит нас в трудное положение, то мы, несомненно, должны отвергнуть это решение» [4, с. 334]. Фактически ученый подводил мусульманских юристов к необходимости проведения широкой ревизии содержания всех правовых школ. Разум должен был помочь переосмыслить многие старые правовые нормы, провести в отношении некоторых аброгацию. Требовалось усилить влияние *акл* в каждом мазхабе – будь они суннитские или шиитские. *Акл* должен был вычистить исламское право от устаревших и не отвечающих современным запросам правовых доктрин и способствовать принятию новых шариатских законов. И в то же время лишь *акл* позволит обеспечить сохранение духа исламского права, принципов шариата и акыды, как мусульманского вероубеждения и символа веры.

Вышеуказанные аспекты М. Бигиев последовательно раскрывал в своих работах. Например, в труде «Правила фикха» («Кава'ид фикхиййа», 1910) посредством *иджтихада* он представил критический разбор и опровержение шариатского положения, предписывающего смертную казнь для отступников, отказавшихся от исповедания ислама. «М. Бигиев перечислил фундаментальные цели исламского закона, по сути обозначив задачи, определяющие предназначение шариата как такового. Таких задач у него набралось шесть: религия, жизнь, разум, собственность, продолжение рода, честь» [23, с. 43]. Богослов был убежден, что человеческий разум не мог одобрить предписание смертной казни за вероотступничество. Более подробный анализ данной темы представлен в работе А. Г. Хайрутдинова [23].

С позицией М. Бигиева солидаризируются и современные исламские юристы, выдвигая идею об объединении всех мазхабов в некий единый, универсальный мазхаб (например, подобную мысль высказывает Абу Амина Биляль Филипс) [22, с. 204].

Муса Бигиев четко обозначил главную цель в деле возрождения мусульманского мира, указав следующее: «Освобождение из плена есть главное и единственное условие для оздоровления. Если разум и воля не будут освобождены, то все иные способы и меры будут бесполезными и не дадут результатов» [5, с. 68]. Он отстаивал позицию того, что *акл* должен вернуть утраченное влияние на систему источников исламского права. *Акл* требовалось вновь сделать доступным для широкого круга мусульманских факихов. Разум должен был вновь проникнуть в каждый элемент, каждый институт, каждую ветвь исламского права.

Нельзя не отметить, что Муса Бигиев выступал резко против проведения в мусульманском мире мероприятий, аналогичных европейской реформации. Ведь реформация была напрямую связана с обновлением религиозного учения и преобразованием католической церкви. «Правовые школы, может быть, и нуждаются в переустройстве и усовершенствовании, но наш ислам ни с какой стороны не нуждается в реформах», – подчеркивал ученый [4, с. 335]. Обновления требует только исламское право как таковое, да и то это преобразование должно было происходить путем возврата к правовым принципам, заложенным шариатом. Также он выделял: «Наш

ислам не нуждается ни в славе лютеранства, ни в величии реформаторства» [4, с. 335]. В этом и кроется вся суть концепции реформы исламского права, выдвинутой Бигиевым. Реформы в исламском праве, по мнению мыслителя, требовалось проводить под пристальным надзором разума и с отказом от непогрешимости какого-либо авторитета. А потому он останавливался на мысли о том, что «пока наш разум и мысль не освободятся от болезни таклида, у нас всегда будет сложное социальное положение, священный шариат всегда будет вне нашего внимания» [4, с. 336]. Свою критику в отношении ряда мусульманских ученых, увлекшихся вестернизацией, он подытожил тем, что следует дать свободу собственному разуму и лишь посредством него осмыслить исламское право. Не следует очаровываться западным образом жизни, мышлением, юриспруденцией – для мусульман священность шариата должна быть несравненно выше [4, с. 336].

Бигиев никогда не выдвигал открыто идею того, чтобы расположить разум на конкретной иерархической ступени в системе источников исламского права. Являясь сторонником суннитского течения, он лишь предлагал усиление общего влияния разума на всю систему источников. Он не противопоставлял *акл* той или иной форме права. Он трезво оценивал, как положительные, так и отрицательные возможности влияния разума на исламское право. Как быть, если разум пропитан злобой, завистью, корыстью, стремлением причинения вреда? Появившаяся от такого разума правовая норма не может быть положительной: «Прекрасное и безобразное определяется разумом, но при этом разум не является судьей. ...Разуму не присуща легализирующая сила» [3, с. 234].

Нельзя однозначно сказать, что российские мусульмане не восприняли идей Мусы Бигиева о возрождении роли разума. Подтверждением этому служит период 1917 года, когда он принимал активное участие в создании важнейших юридических документов, направленных на объединение российских мусульман в некую форму автономии. И речь здесь идет, конечно же, о воплощении в жизнь проекта национально-культурной автономии тюрко-татарских мусульман внутренней России и Сибири. В этом проекте были реализованы и идея единства российских мусульман, и идея разделения компетенции духовной и светской власти, и идея восстановления принципа шуры, и идея шариатского закона.

Заключение

Многие предложения Мусы Бигиева, в том числе и об усилении роли разума в исламском праве, подвергались критике не только со стороны мусульманского духовенства, но намного позже и советскими учеными [10, с. 185]. Советские ученые, будучи атеистами, отрицали возможность существования в исламе разумных начал. Категорию разума они не видели и в исламском праве. Они категорически заявляли, что «религия, являясь неотъемлемой составной частью духовной культуры антагонистического общества, в силу своей социальной и гносеологической природы способна оказывать на другие элементы этой же системы только отрицательное, негативное влияние. Религия как превратное фантастическое отражение реальности враждебна всякому разумному начинанию» [8, с. 103]. Но такая критика лишь еще раз свидетельствует о значимости политико-правовых учений М. Бигиева, которые и по истечении многих десятилетий вызывают и вызывают интерес среди ученых, далеких от веры.

«Аллах ниспослал свои предписания и обращения к человеку. Аллах сделал человека своим “собеседником” в силу наличия у него разума» [15, с. 66]. Это обстоятельство говорит не только о возможности использования разума в правотворческом

процессе, но и о его обязательности. В противном случае, создаваемые правовые нормы лишаются связи с интересами, правами и свободами человека. Современные юристы указывают, что «правообразование следует понимать как двуединый (естественно-социальный и правотворческий) процесс формирования права, в котором природа социума и разум законодателя развиваются в постоянном взаимодействии» [16, с. 61]. Данная мысль присутствовала и в трудах татарского ученого.

М. Бигиев твердо выступал за возрождение роли разума в исламском праве. *Акл* следовало вернуть ту роль, которую он занимал в период «золотого века ислама». *Акл* должен был вновь пронизывать всю систему источников исламского права, обеспечивая их взаимосвязь для актуализации существующих правовых предписаний. Для устранения коллизий и решения проблем в мусульманском мире представителям разных мазхабов следовало сближаться, а не доказывать неверность идей друг друга. В не меньшей степени консенсус факихов был необходим и по вопросу иерархии источников исламского права, а также в определении в ней роли разума. Муджтахиды XX века приступили к возрождению роли человеческого разума для совершенствования мира мусульман.

Литература

1. *Ал-Газали. Избавляющий от заблуждения* // Средневековая арабо-мусульманская философия в переводах А.В. Сагадеева: собр. пер.; в 3 т. / сост. и отв. ред. Н.С. Кирабаев. – М.: ИД «Марджани», 2010. Т. 3. – С. 99–140.
2. *Бигиев М.Д. Будущее нашей литературы* // М.Д. Бигиев Некоторые актуальные проблемы нашего общества / ЦДО ДУМ РФ, Моск. ислам. ин-т, Санкт-Петербург. гос. ун-т; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова; пер. с татаро-осман. и примеч. А.Г. Хайрутдинова. – М.: ИД «Медина», 2022. – С. 37–62.
3. *Бигиев М.Д. Маленькие мысли по большим вопросам* // М.Д. Бигиев Избранные труды / сост. и пер. с османского яз., введ., сн. и коммент. А. Хайрутдинова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – С. 207–330.
4. *Бигиев М.Д. Мой взгляд на исламский шариат* // М.Д. Бигиев Избранные труды / сост. и пер. с османского яз., введ., сн. и коммент. А. Хайрутдинова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. – С. 331–340.
5. *Бигиев М.Д. Почему цивилизованный мир прогрессировал, а мир Ислама пришел в упадок?* // Бигиев М.Д. Некоторые актуальные проблемы нашего общества / ЦДО ДУМ РФ, Моск. ислам. ин-т, СПбГУ; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова; пер. с татаро-осман. и примеч. А. Г. Хайрутдинова. – М.: ИД «Медина», 2022. – С. 63–70.
6. *Велльхаузен Ю. Арабский халифат. Золотой век ислама* / пер. с англ. Т.М. Шуликовой. – М.: Центрполиграф, 2018. – 351 с.
7. *Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности* / пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 456 с.
8. *Давлетшин К.Д. Нации и ислам (критика философско-теологических концепций о единстве наций и ислама).* – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – 199 с.
9. *Ислам: словарь атеиста* / А.В. Авксентьев, О.Ф. Акимушкин, Г.Б. Акиниязов и др.; под общ. ред. М.Б. Пиотровского, С.М. Прозорова. – М.: Политиздат, 1988. – 254 с.
10. *Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (исторический очерк).* – Казань: Татар. кн. изд-во, 1979. – 224 с.
11. *Кирабаев Н.С., Аль-Джанаби М.М. Разум и вера в религиозной философии ал-Газали* // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2015. № 4. – С. 37–49.
12. *Комар В.И. Ислам, исламизм и западная цивилизация (Аналитический обзор)* // Афро-азиатский мир: проблемы цивилизационного анализа. 2004. № 2. – С. 6–44.

13. *Корбен А.* История исламской философии: пер. с фр. – 2-е изд. – М.: Академ проект; ООО «Садра», 2015. – 367 с.
14. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. – М.: НОРМА ИНФРА-М, 1999. – 552 с.
15. Основы теории и методологии фикха. – М.: Мир знаний, 2019. – 148 с.
16. *Придворов Н.А., Трофимов В.В.* Правообразование и правообразующие факторы в праве: монография. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2014. – 400 с.
17. *Равшанов М.* Концепт «ислам»: определение значения знания и разума // Россия и мусульманский мир. 2018. № 2 (308). – С. 99–104.
18. *Самигуллин В.К.* Восточная правовая традиция. – Уфа: ПрофиПлюс, 2015. – 100 с.
19. *Сюкияйнен Л.Р.* Иногда я шокирую мусульманскую аудиторию среди студентов (интервью от 4 марта 2018 года) // Деловая электронная газета «Бизнес Online». – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/374510> (дата обращения: 25.06.2024).
20. *Сюкияйнен Л. Р.* Исламское право: понятие, соотношение с шариатом и фикхом, место в современных правовых системах, взаимодействие с европейской правовой культурой (ридер) // Электронный ресурс ФГОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». – Режим доступа: https://kpfu.ru/portal/docs/F1979005079/Rider_2016_L.R..Sjukiyajnen.pdf (дата обращения: 25.06.2024).
21. *Тухватуллина Л.И.* Проблема человека в трудах татарских богословов: конец XIX – начало XX в. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. – 207 с.
22. *Филипс Абу Амина Биляль.* Эволюция фикха (Исламский закон и Мазхабы) / пер. с англ. Т.В. Гончаровой. – Киев: Ансар Фаундейшн, 2001. – 224 с.
23. *Хайрутдинов А.Г.* Опровержение предписания о смертной казни за вероотступничество в книге Мусы Бигиева «Кава'ид фикхийя» // Ислам в современном мире. 2024. № 20 (1). – С. 41–52.
24. *Шагавиев Д.А.* Муса Джарулла Биги как защитник суннизма // II Бигиевские чтения – 2015. Мусульманская мысль в XXI веке: единство традиции и обновления: материалы II Межд. научно-образовательной конф., г. Санкт-Петербург, 17–20 мая 2015 г. / редкол.: Д.В. Мухетдинов (пред.), Ш.Р. Кашаф (отв. ред.) и др. – М.: ИД «Медина», 2016. – С. 100–108.
25. *Шангараев Р.Р.* Мусульманская религиозная философия. – Казань: ИД «МеДДоК», 2020. – 252 с.

References

1. Al-Ghazali. *Delivering from error. Medieval Arab-Muslim philosophy in translations by A.V. Sagadeev.* Collection in 3 volumes. Vol. 3. / compiled and edited by N.S. Kirabaev. – Moscow: House of Marjani Publishers, 2010. – Pp. 99–140. (In Russian)
2. Bigiev M.D. *The future of our literature* // Bigiev M.D. Some current problems of our society / Central Children's Education Center of the Spiritual Directorate of the Russian Federation, Moscow Islamic Institute, St. Petersburg State University; editor-in-chief D.V. Mukhetdinov; transl. from Tatar-Ottoman Turkish and notes by A.G. Khairutdinov. – Moscow: Medina Publishing House, 2022. – Pp. 37–62. (In Russian)
3. Bigiev M. D. *Small thoughts on big issues.* In: Bigiev M.D. Selected works / comp. and transl. from Ottoman Turkish, introd. and comment. by A. Khairutdinov. – Kazan: Tatar Book Publishing House, 2014. – Pp. 207–330. (In Russian)

4. Bigiev M.D. *My view on Islamic Sharia*. In: Bigiev M. D. Selected works / comp. and transl. from Ottoman Turkish, introd. and comment. by A. Khairutdinov. – Kazan: Tatar Book publishing house, 2014. – Pp. 331–340. (In Russian)
5. Bigiev M.D. *Why did the civilized world progress while the world of Islam declined?* In: Bigiev M.D. Some current problems of our society / Central Children's Education Center of the Russian Muslim Spiritual Directorate, Moscow Islamic Institute, St. Petersburg State University; editor-in-chief D.V. Mukhetdinov; transl. from Tatar-Ottoman Turkish and notes by A. G. Khairutdinov. – Moscow: Medina Publishing House, 2022. – Pp. 63–70. (In Russian)
6. Wellhausen J. *Arab Caliphate. The Golden Age of Islam*. Trans. from English by T. M. Shulikov. – Moscow. Tsentrpoligraf, 2018. – 351 p. (In Russian)
7. David R., Joffre-Spinosi K. *Basic legal systems of our time*. Trans. from Fr. by V. A. Tumanov. – Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2009. – 456 p. (In Russian)
8. Davletshin K. D. *Nations and Islam (criticism of philosophical and theological concepts on the unity of nations and Islam)*. – Kazan: Tatar Book Publishing House, 1986. – 199 p. (In Russian)
9. *Islam: An Atheist's Dictionary* / A.V. Avksentyev, O.F. Akimushkin, G.B. Akiniyazov et al.; Ed.-in-Chief M.B. Piotrovsky, S.M. Prozorov. – Moscow. Politizdat, 1988. – 254 p. (In Russian)
10. Ishmukhametov Z.A. The social role and evolution of Islam in Tatarstan (historical sketch). – Kazan: Tatar Book Publishing House, 1979. – 224 p. (In Russian)
11. Kirabaev N.S., Al-Janabi M.M. Reason and faith in the religious philosophy of al-Ghazali. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Philosophy*. 2015, no.4. – Pp. 37–49. (In Russian)
12. Komar V.I. Islam, Islamism and Western civilization (Analytical review). *Afro-Asian world: problems of civilizational analysis*. 2004, no. 2. – Pp. 6–44. (In Russian)
13. Korben A. *History of Islamic philosophy*. Trans. from Fr. 2nd ed. – Moscow: Academ project; Sadra PLC, 2015. – 367 p. (In Russian)
14. Nersesyants V.S. *General theory of law and state*. – Moscow: NORM INFRA-M Publishing House, 1999. – 552 p. (In Russian)
15. *Fundamentals of the theory and methodology of fiqh*. – Moscow: World of Knowledge Publishing House, 2019. – 148 p. (In Russian)
16. Pridvorov N.A., Trofimov V.V. *Legal formation and law-forming factors in law: monograph*. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2014. – 400 p. (In Russian)
17. Ravshanov M. The concept of “Islam”: defining the meaning of knowledge and reason. *Russia and the Muslim World*. 2018, no. 2 (308). – Pp. 99–104. (In Russian)
18. Samigullin V.K. *Eastern legal tradition*. – Ufa: ProfiPlus LLC, 2015. – 100 p. (In Russian)
19. Syukiyainen L.R. Sometimes I shock the Muslim students' audience (interview dated March 4, 2018). *Business electronic newspaper “Business Online”* [Official website]. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/374510> (reference date: 25.06.2024). (In Russian)
20. Syukiyainen L.R. *Islamic law: concept, relationship with Sharia and fiqh, place in modern legal systems, interaction with European legal culture (reader)*. Electronic resource of the Federal State Educational Institution of Higher Education “Kazan (Volga Region) Federal University” [Official website]. – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1979005079/Rider_2016_L.R..Sjukiyajnen.pdf (reference date: 25.06.2024). (In Russian)
21. Tukhvatullina L. I. *The problem of man in the works of Tatar theologians: late 19th – early 20th centuries*. – Kazan: Tatar Book Publishing House, 2003. – 207 p. (In Russian)

22. Philips Abu Amin Bilal. *Evolution of Fiqh (Islamic Law and Mazhabs)*. Trans. from English by T.V. Goncharova – Kiev: Ansar Foundation, 2001. – 224 p. (In Russian)

23. Khairutdinov A.G. Refutation of the prescription of the death penalty for apostasy in Musa Bigiev's book *Kava'id fikhiiyya // Islam in the modern world*. 2024. no. 20 (1). – Pp. 41–52. (In Russian)

24. Shagaviev D. A. Musa Jarulla Bigi as a defender of Sunnism // 2nd Bigiev Readings – 2015. Muslim thought in the 21st century: unity of tradition and renewal: proceedings of the 2nd International Scientific and Educational Conference, St. Petersburg, May 17–20, 2015 / eds.: D. V. Mukhetdinov, Sh.R. Kashaf et al. – Moscow. Medina Publishing House, 2016. – Pp. 100–108. (In Russian)

25. Shangaraev R.R. Muslim religious philosophy. – Kazan: MeDDoK Publishing House. 2020. – 252 p. (In Russian)